

МУРОМСКИЙ ЦИКЛ ПОВЕСТЕЙ В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVII—XVIII вв.

Муромский литературный цикл включает в себя 5 памятников XVI—XVII вв., созданных в Муроме или тематически с ним связанных, которые в течение XVII—XVIII столетий получили широкое распространение в рукописных сборниках довольно устойчивого состава — так называемых «муромских сборниках». Среди них — три жития муромских святых: «Житие князя Константина Муромского и чад его Михаила и Феодора»,¹ «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть об Ульянии Осорьбиной» («Житие Юлиании Лазаревской») — и два сказания о местных святынях: «Сказание об Унженском кресте» («Повесть о Марфе и Марии») и «Повесть о чудесах Виленского креста».²

Первым обратился к муромским сборникам (или муромским житийникам, как их еще называют) Ф. И. Буслаев.³ В статье, посвященной двум «очеркам из местных муромских сказаний» — «Повести о Марфе и Марии» и «Житию Юлиании Лазаревской», он писал: «Эти два очерка вместе с легендой о князе Петре и Февронии составят целое, обнимающее лучшие поэтические предания Муромской области < . . . > Всматриваясь в местные предания и сказания, не можем не заметить, что каждая область имеет

¹ Житие легендарного крестителя муромской земли князя Константина, составленное примерно в середине XVI в., включило в состав двух своих редакций наряду с другими источниками еще одно произведение, связанное с муромской землей, — «Повесть о рязанском епископе Василии». См. об этом: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 245; *Дмитриева Р. П.* Две редакции XVI в. Повести о рязанском епископе Василии // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 136—142.

² Последний памятник получил в литературоведении еще 2 варианта заглавия: «Повесть о кресте, принесенном из Литовской земли в Муром» (см.: Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 193 и др.) и «Повесть о Василии Микулине». (*Лихачев Д. С.* Текстология. Л., 1983. С. 248).

³ *Буслаев Ф. И.* Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 238—268. См. также первый (краткий) вариант статьи: *Русский вестник*. 1858. Т. 17. С. 417—440; публикацию главы о Марфе и Марии: *Буслаев Ф. И.* Муромское сказание о Марфе и Марии // *Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым*. М., 1859—1860. Кн. 5. С. 56—62.

свой собственный характер в истории русской литературы и быта. На долю Мурома по преимуществу досталось литературное развитие идеального характера русской женщины; по крайней мере, этот предмет составляет главное содержание Муромского житийника».⁴

В приведенном рассуждении Ф. И. Буслаев впервые определил три муромских повести как цикл произведений, объединенных географически и тематически. Опубликовав переложения двух муромских «сказаний», Ф. И. Буслаев указал их рукописные источники — два «муромских житийника» XVII в.; один — из его собственной библиотеки,⁵ другой — из собрания графа А. С. Уварова.⁶ Шифры еще двух муромских житийников указал в 1910 г. епископ Муромский Евгений (Е. Мерцалов) в своем историческом очерке о прославлении и почитании Юлиании Лазаревской.⁷

Упоминания о сборниках муромских житий и сказаний встречаются и в некоторых других исследованиях прошлого и нынешнего веков, касающихся так или иначе изучения произведений муромского цикла. Однако целенаправленная работа по разысканию, описанию и систематизации сведений о муромских сборниках впервые была проведена совсем недавно: в 1979 году вышли в свет исследования Р. П. Дмитриевой⁸ и Т. А. Брун,⁹ посвященные двум памятникам муромского цикла — «Повести о Петре и Февронии» и «Повести о чудесах Виленского креста», в которых дано краткое описание и расписан (в большинстве случаев) состав соответственно 25 и 16 муромских сборников полного и неполного циклов.¹⁰

Этим кратким перечнем по существу исчерпывается библиография работ, авторы которых в той или иной степени касались вопроса о муромском цикле как некоем художественном единстве. Между тем история формирования цикла муромских житий и сказаний и его бытования в рукописной традиции заслуживает более пристального внимания, так как отражает некоторые общие закономерности литературного процесса в XVII в. О крайне недостаточной изученности древнерусских циклов произведений и важности обращения к истории формирования сборников различного

⁴ Буслаев Ф. И. Указ. соч. С. 245.

⁵ Местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно.

⁶ Ныне хранится в Государственном Историческом музее: ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 1153 (425; бывш. И. Н. Царского, № 129).

⁷ Евгений, епископ. О церковном прославлении и почитании св. праведной Юлиании Лазаревской. Муром, 1910. С. 14.

⁸ Повесть о Петре и Февронии // Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

⁹ Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 323—331.

¹⁰ В некоторых сборниках цикл представлен не полностью: 4, 3 или даже 2 памятника из пяти. Причем наиболее устойчивой его частью оказываются жития Константина и Петра и Февронии Муромских; наиболее подвижны Сказания о крестах. Отметим также, что иногда в муромских сборниках жития сопровождаются службами святым (см., например: ГБЛ, собр. Овчинникова, ф. 209, № 298 и др.).

типа писал Д. С. Лихачев: «Изучение исторически сложившихся сборников с устойчивым или относительно устойчивым составом открывает новый, дополнительный источник для восстановления истории текста входящих в них литературных произведений, а также для суждения о литературных вкусах читателей и переписчиков, для выяснения того, как понимался древнерусскими читателями и переписчиками жанр произведения, его идейный смысл и пр.»¹¹

Предметом настоящей статьи является один вопрос из истории муромского цикла произведений — анализ его рукописной традиции в XVII—XVIII вв. В данной работе мы не привлекаем к исследованию списки муромских повестей, находящиеся в составе сборников смешанного (преимущественно агиографического) содержания, а обращаемся лишь собственно к муромским сборникам. Самые ранние из известных нам сборников муромского цикла — ГБЛ, собр. Овчинникова, ф. 209, № 298 и ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 1153 (425; бывш. И. Н. Царского, № 129) — датируются рубежом XVII—XVIII вв. Наиболее интересен из них сборник ГБЛ. Все три жития, помещенные в нем: Константина, Петра и Февронии и Ульянии Муромских, — сопровождаются текстами служб этим святым. На внутренней стороне верхней крышки переплета имеется запись полууставом: «Службы и жития муромскихъ чудотворцев». Можно предположить, что рукописью пользовались во время чтения служб. В писцовой записи на л. 137 читается имя писца сборника Михайлы Михайлова сына Зубкова. На л. 233, об. имеется поздняя малоразборчивая владельческая помета, свидетельствующая о том, что рукопись бытовала в Нижегородской губернии Горбатовской округи селе Павлове (возможно, Павловском).¹²

Обе рассматриваемые нами рукописи являются сборниками неполного цикла: в них отсутствует 5-я, самая поздняя по времени создания, муромская повесть — «Повесть о чудесах Виленского креста». Она рассказывает о местной святыне — на престольном

¹¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 246.

¹² Нижегородские земли соседствуют с муромскими. Именно туда, в нижегородские пределы, переселилась в последние годы жизни Ульяния Осорьина, героиня «Жития Юлиании Лазаревской», — муромская помещица, жившая в XVI в., которая после смерти стала почитаться как местночтимая святая, получив (по месту погребения в селе Лазареве муромского уезда) имя Юлиании Лазаревской. В нижегородском поместье ее мужа, сельце Бочеве, пережила она страшный голод, постигший Россию в 1601—1603 гг. Здесь она и скончалась 2 января 1604 г. Таким образом, память о муромской святой и бытование муромских сборников в Нижегородских землях имеют вполне конкретную историческую основу. Подробнее об этом, а также об упоминании имен представителей рода Осорьиных в нижегородских актовых материалах XVI—XVII вв. см.: Руди Т. Р. «Повесть об Ульянии Осорьиной» и нижегородские земли // В памяти отечества: Материалы Чтений по истории литературы Древней Руси в г. Горьком. 31 мая—5 июня 1987 г. Горький, 1989. С. 81—87.

кресте, принесенном в Муром из Литовской земли арзамасцем, сыном боярским Василием Сергеевым сыном Микулиным и переданном гостиной сотни торговому человеку Богдану Цветнову для вклада в построенный им, Богданом, Троицкий девичий монастырь.¹³ События, описываемые в Повести, происходят в 1658 г. — дата зафиксирована в тексте памятника. Исследовательница Повести и автор ее научного издания Т. А. Брун считает, что написана она была «вскоре (но не сразу) после совершения событий, еще при жизни современников Богдана и Василия, видимо, в последней трети XVII века».¹⁴

По-видимому, к концу XVII—началу XVIII в. еще не сложилась традиция включения Сказания о Виленском кресте в состав муромских сборников.¹⁵ Именно потому, наверное, неизвестны сегодня ранние списки Повести: переписываемые отдельно или в составе сборников смешанного содержания, они либо не сохранились, либо еще не найдены. По данным Т. А. Брун, сейчас известно 17 списков памятника. Все они довольно поздние (не ранее 60—70-х гг. XVIII в.)¹⁶ и дошли до нас только в составе муромских сборников. Именно включение Повести в муромский цикл, с одной стороны, обеспечило ей относительно широкую письменную традицию, а возможно, и сохранило ее в истории литературы, с другой — завершило собой формирование муромского цикла произведений.

Вторая треть XVII в. — время описываемых событий в «Повести о чудесах Виленского креста» и создания «Сказания об Унженском кресте»¹⁷ — характеризуется повышением интереса к местной истории. Общий культурный подъем, сменивший упадок городской жизни начала XVII в., когда Муром был разорен отрядами Лисовского,¹⁸ выразился не только в создании литературных

¹³ Публикацию и исследование Повести см.: Брун Т. А. Указ. соч. С. 323—331.

¹⁴ Там же. С. 326. Добавим, что последние разыскания Т. А. Брун, изложенные ею в докладе на научной конференции, посвященной 70-летию Муромского музея (Муром, 8—9 января 1989 г.), позволили исследовательнице несколько уточнить предполагаемую дату создания «Повести о чудесах Виленского креста»: по ее мнению, Повесть не могла быть написана ранее 1699 г.

¹⁵ Помимо двух названных рукописей упомянем в качестве примера муромский сборник начала XVIII в., не содержащий «Повести о чудесах Виленского креста»: ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 810.

¹⁶ Проведенная недавно Т. А. Брун передатировка сборника ГИМ, Муз. собр., № 645 позволила ей уточнить эту границу: самый ранний известный список «Повести о чудесах Виленского креста», содержащий первоначальный вариант текста (Муз., 645), датируется второй четвертью XVIII в.

¹⁷ Т. А. Брун датирует его 1638—1651 гг. — временем архиепископства Моисея, архиепископа рязанского и муромского, по благословению которого была написана одна из ранних редакций Сказания. См.: Брун Т. А. К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте (Повести о Марфе и Марии) // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 216.

¹⁸ См. об этом: Титов А. А. Историческое обозрение города Мурома // Тр. Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1902. Кн. 4. С. 43; Монгайт А. Муром. М., 1947. С. 16—17; и др.

произведений о местных святынях, но и в появлении оригинальных архитектурных и живописных памятников. Интересна в этом отношении икона муромских святых, написанная, как свидетельствует вкладная запись на обороте, в 1669 г. «по обрещанию Сидора Матвеева сына Лопатина» и вложенная с четырьмя другими заказанными им иконами местного письма в Георгиевскую церковь, поставленную на его же средства.¹⁹ В среднике иконы изображены 6 муромских святых: слева — князь Константин с чадами Михаилом и Федором, справа — Петр и Феврония и Юлиания Лазаревская. Имя вкладчика — Сидорка Матвеева сына Лопатина — встречаем в описании дворов посадских людей в Писцовой книге г. Муром 1636 г. писца Бориса Дмитриевича Бартенева и подьячего Михайлы Максимова.²⁰

Следует отметить, что именно посад, купечество представляло собой наиболее активную силу в культурном развитии Муром второй половины XVII в.

Самые большие вклады делались богатыми купцами в строительство каменных храмов. Так, в 1658 г. по заказу купцов Черкасовых в Кожевенной слободе была выстроена большая каменная Воскресенская церковь.²¹ Заметим, что имя одного из братьев — Матвея Семенова сына Черкасова — читается в тексте одного из чудес «Жития Юлиании Лазаревской».²²

Уже упоминавшийся нами герой «Повести о чудесах Виленского креста» купец московской гостиной сотни Тарасий Борисов сын Цветнов, по прозвищу Богдан Цветной, чье имя читается первым в списке «самых лутчих людей» города в двух писцовых книгах Муром — 1625²³ и 1636²⁴ гг., поставил на свои средства несколько храмов, в том числе церковь Живоначальной Троицы, при которой в 1643 г. его тщанием был открыт женский монастырь, куда среди других богатых вкладов — икон, церковных сосудов и книг — и был положен на престольный крест, принесенный в 1658 г. из Литовской земли Василием Микулиным.²⁵

¹⁹ Подобедова О. И. «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 302—303. См. также: Масляницын С. И. Муром. М., 1971. С. 28; Дмитриева Р. П., Белоброва О. А. Петр и Феврония муромские в литературе и искусстве Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 143.

²⁰ ГПБ, Q.IV.231.

²¹ Масляницын С. И. Указ. соч. С. 23.

²² Известны только два списка Жития с большим количеством чудес, в которых упомянут Матвей Черкасов: ГПБ, Q.I, № 355 (собр. Толстого, П, № 303), л. 78, об.; Псковский краеведческий музей, № 128/49, л. 536.

²³ ГПБ, собр. А. А. Титова, № 3645, л. 239, об.

²⁴ Там же, Q.IV.231, л. 321 библиотечной пагинации.

²⁵ Траветов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, 1903. С. 98—99, 103—106; Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия / Под ред. В. В. Косаткина. Владимир, 1906. Ч. 1: Монастыри. С. 267. Сведения о деятельности Богдана Цветного см.: Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста». С. 324.

Таким образом, во второй половине XVII в., века «расцвета посадской культуры вообще и литературы в частности»,²⁶ на фоне общего подъема культурной жизни города созданием «Повести о чудесах Виленского креста» завершилось формирование муромского цикла произведений. Широкое его распространение в рукописной традиции приходится на XVIII в. Анализ владельческих записей известных нам муромских сборников показывает, что их читателями также зачастую были представители купечества, посадского населения. Так, в сборнике неполного цикла (ГПБ, собр. А. А. Титова, № 693) читается скорописная запись XVIII в.: «Сия книга господина купца Петра Иванова, сына Ульянова второй гильдии».²⁷ А по фрагментам двух владельческих записей одного почерка в Муромском сборнике, хранящемся в Библиотеке Академии наук СССР, можно восстановить, что «сия тетрадь» принадлежала града Муром «посадтцкому человеку» Ивану Зубову (?).²⁸

Среди муромских сборников XVIII в. выделяется большая группа рукописей 70—80-х гг. (около 10), которые привлекают к себе особое внимание. Все они переписаны одним почерком — крупным нечетким полууставом, который мы условно назвали «муромским».²⁹ Анализ пяти муромских повестей в составе этих сборников показал, что, как правило, в них переписывались тексты определенных редакций памятников, отобранные по единому принципу.

Так, в составе муромских сборников читается только первый вариант второй редакции «Повести об Ульянии Осорьиной».³⁰ Изобилующий цитатами из Священного Писания и святоотеческой литературы, композиционно и стилистически приближенный к агиографическому канону, этот вариант, вероятно, создавался специально для готовящейся канонизации Ульянии.³¹

«Повесть о Петре и Февронии» представлена в муромских сборниках только во Второй редакции (мы опираемся на классификацию Р. П. Дмитриевой). Приведем краткую характеристику этого варианта текста памятника, данную Р. П. Дмитриевой: «Повесть о Петре и Февронии во Второй редакции подверглась старательной

²⁶ Турилов А. А. Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV—начала XVIII в.: (Сказания о ярославских иконах) // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 174. О необходимости изучения роли посадской литературы в литературном развитии XVII века см.: *Адрианова-Перетц В. П., Староверова И. П.* Из архива академика М. Н. Тихомирова: (О плане монографии «Посадская литература XVII века») // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 319—320.

²⁷ Описание рукописи см.: Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. С. 195.

²⁸ БАН, № 17.9.15, л. 1.

²⁹ В качестве примера можем привести сборник: ИРЛИ, Древлехранилище, собр. Ф. А. Каликина, № 39.

³⁰ Классификацию редакций Повести и научное издание ее текста см.: *Скрипиль М. О.* Повесть об Ульянии Осорьиной // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 256—323.

³¹ О проблеме канонизации Юлиании Лазаревской см.: *Евгений, епископ.* Указ. соч.

переработке на протяжении всего текста, хотя по существу содержание Повести осталось неизменным, дополнительных эпизодов и каких-либо новых известий из жизни героев в нее включено не было. Целью переработки явилось стремление приблизить произведение к агиографическому жанру, дать изложение ее содержания в соответствии с требованиями, предъявляемыми житийным канонам. Отметим, что именно текст Второй редакции Повести читался во время торжественного богослужения».³²

«Житие князя Константина и чад его Михаила и Федора» вошло в состав муромских сборников в своей Пространной редакции, которая, по мнению последнего исследователя Жития Н. И. Серебрянского, наиболее интересна в литературном отношении.³³ Самая полная из четырех существующих разновидностей текста памятника, она объединила в себе Среднюю редакцию (в состав которой вошла «Повесть о рязанском епископе Василии») и «Похвальное слово благоверному князю Константину», богатое риторическими украшениями.

Из трех известных сегодня разновидностей текста «Сказания об Унженском кресте» в муромских сборниках мы чаще всего встречаем так называемую Украшенную редакцию,³⁴ которая обычно включалась в состав торжественного «Слова о явлении чудотворного креста Господня, иже есть в Муромском уезде», где обрамлена большим предисловием, ритмизованной похвалой кресту и финальным молитвословием.³⁵

Завершающая муромский цикл «Повесть о чудесах Виленского креста» известна лишь в двух разновидностях (группах), причем их отличия ограничиваются, в основном, уровнем грамматических различий.³⁶ Поэтому предпочтение текста той или иной группы не имело бы в данном случае для составителя сборника принципиального значения. Отметим все же, что в большинстве муромских сборников представлен текст первой группы Повести.

Итак, в состав муромских сборников вошли пространные, украшенные, приближенные к агиографическому канону варианты текстов памятников, что соответствовало, по-видимому, замыслу составителя сборника — собрать воедино муромские жития и сказания о местных святынях. Устойчивость текстов памятников,

³² Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. С. 125.

³³ *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 240—241.

³⁴ Мы опираемся на исследование текста памятника и классификацию его редакций, предложенную Н. С. Демковой. См.: *Демкова Н. С.* Повесть о Марфе и Марии (Сказание об Унженском кресте) и ее переделки в XVII веке // *Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма.* Новосибирск, 1986. С. 191—208. В классификации Т. А. Брун эта разновидность текста Сказания названа «Мойсеевой редакцией». См.: *Брун Т. А.* К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте. С. 216.

³⁵ *Демкова Н. С.* Указ. соч. С. 192—193.

³⁶ *Брун Т. А.* Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста». С. 326—327.

сходство в оформлении, близость времени создания и, наконец, большое число сохранившихся сборников, принадлежащих руке одного писца, дают возможность предположить, что в Муроме или его окрестностях в 70—80-е гг. XVIII в. существовала книгописная мастерская.

Подведем краткие итоги. Примерно к середине XVII столетия в Муроме на фоне общего культурного подъема сложилась местная литературная традиция, развивавшаяся в русле общерусской литературы, но характеризующаяся обращением к местным темам и сюжетам.³⁷ В конце XVII—XVIII в. осознание художественного единства произведений муромского цикла нашло свое отражение в рукописной традиции и привело к появлению так называемых «муромских сборников».

³⁷ О сходных явлениях, характеризующих литературный процесс в Ярославле в XVII в., см.: *Турилов А. А.* Указ. соч. С. 168—174.